Рынок воспоминаний

Байканбек Садыков

Байканбек Садыков

Рынок воспоминаний

«Автор»
2026

Садыков Б.

Рынок воспоминаний / Б. Садыков — «Автор», 2026

Сорок три секунды. Столько длился последний разговор Эмира с матерью. Пять лет назад он продал это воспоминание, чтобы купить насос и вернуть в дом тепло.Теперь на запасном пути его посёлка снова стоит вагон, где торгуют воспоминаниями. Эмир находит свой лот. Он сможет вернуть разговор, если отдаст все остальные воспоминания о матери. Вместе с ними исчезнет и утро, когда она натянула свою варежку на его замёрзшую руку по дороге в школу.До отправления поезда несколько часов. Узнает ли Эмир мамин голос, если забудет всё, что делало его родным?

© Садыков Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Квитанция 6
Вагон на запасном пути 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Байканбек Садыков
Рынок воспоминаний

Байканбек Садыков
Рынок

воспоминаний
Фантастическая повесть
Содержание
Квитанция 4
Вагон на запасном пути 9
То, что купил насос 14
Немой концерт 18
Сверка 22
Цена за одну сцену 26
Скамья у двери 30
Рука на поручне 34
Вторая строка 39
ГЛАВА 1

Квитанция

В ту зиму Эмир продал сорок три секунды материнского голоса. Деньги пришли, пока он застёгивал куртку. К вечеру в дом привезли новый насос. Утром Дина впервые за неделю села завтракать без пальто.

Квитанцию он спрятал в коробку с паспортом насоса. Пять лет она пролежала между схемой подключения и пакетиком с запасными прокладками.

Теперь насос гудел на кухне. В нём что-то задевало при каждом обороте, и Ника, дочь Дины, водила пальцем по краю стола в такт этому звуку.

— Он ломается? — спросила она.

— Крышка дребезжит. Подержи её.

Девочка прижала ладонь к кожуху. Дребезг исчез.

— Я починила.

— Ты нашла, где чинить.

Она отпустила крышку и снова прижала. Ей было шесть лет, и она ещё удивлялась вещам, которые удаётся исправить одним пальцем.

Дина упаковывала чашки в газеты. Через два дня ей предстояло уехать. В городе нашлась работа, Нике обещали место в школе. От посёлка до пересадки поезд шёл всю ночь. От пересадки до города оставались ещё сутки, если автобус через реку ходил по расписанию. Дина выписала время на бумажку, которую держала под сахарницей. В этом краю России расписание зависело от переправы. Мать работала в билетной кассе и всегда дублировала время отправления на бумаге, если на табло оставалось вчерашнее расписание. Дина взяла у неё эту привычку.

— Возьми синюю, — сказала она Эмиру. — Ты из неё пил.

Синяя чашка стояла на сушилке. У её ручки было застывшее пятнышко белой краски. Мать однажды красила подоконник, отпила чай и оставила след большого пальца. Эмир повернул чашку к свету. Пятнышко было на месте. Он попробовал вспомнить, что мать тогда сказала, когда увидела краску на руке.

В памяти она посмотрела на палец, засмеялась и потянулась за тряпкой. Смех в этой сцене можно было определить по тому, как поднялись плечи. Звука Эмир почти не помнил.

Он уже ловил себя на этом зимой. Раньше хватало закрыть глаза, и мать звала его из прихожей. Потом стало нужно представить и прихожую, и зелёную вешалку, и расстёгнутый сапог, с которым она всякий раз стояла на одной ноге. Теперь вешалка, сапог и лицо появлялись сразу. Голос приходилось додумывать.

Дина обернула синюю чашку отдельным листом и поставила в коробку с его вещами.

— Крышку затяни, ладно? Покупатель приедет в субботу. Пусть услышит, как здесь тихо.

Покупатель хотел дом для ремонтной бригады. Он уже прислал замерщика. Тот спросил, в какой стене можно сделать ещё один дверной проём, и тут же предложил забрать старую кухонную мебель на растопку. Эмир попросил оставить скамью до субботы. На этой скамье мать обувалась, а по вечерам раскладывала почту. Ему нужно было найти место, куда её забрать.

Он отыскал отвёртку и достал с полки коробку от насоса. Паспорт выскользнул. Квитанция упала сгибом вверх.

Бумага была жёлтая, плотная. Чёрные буквы сохранились.

«Лот 611–043. Последний телефонный разговор. Длительность 43 секунды. Продавец Эмир».

Он сам придумал название, когда женщина за стойкой попросила обозначить отрывок. Мать позвонила ему в четверг вечером. На другое утро она умерла в районной больнице. Эмир помнил звонок по времени в журнале и по тому, что после него отложил телефон на деревянный ящик в мастерской. Он ещё помнил, что собирался перезвонить. Эти минуты стояли по обе стороны пустого промежутка.

У квитанции был длинный хвост из цифр. Внизу мелким шрифтом указывалось, что первый владелец может подать заявку на возврат, пока лот числится отдельным поступлением. В год продажи Эмир читал эту строку каждый вечер. Потом перестал доставать бумагу.

За окном включился станционный громкоговоритель. Он был старый, его слышали по всей нижней улице. Обычно из него объявляли задержки и путевые работы. Теперь диктор перечислил отделения выездной ярмарки, которая приехала на запасной путь. Последним назвал приём и возврат воспоминаний.

Дина хлопнула ладонью по коробке.

— Опять они. Помнишь, раньше их вагон ставили у водокачки?

— Помню.

Пять лет назад Эмир отдал квитанцию женщине в таком же вагоне, чтобы она проверила подпись. Та пересчитала деньги и попросила его посидеть до конца процедуры. Он долго смотрел на заснеженные сапоги напротив и пробовал вызвать последние слова матери. Через минуту в голове осталось только то, что разговор был. Он вышел на улицу, купил насос и донёс его до дома на плече.

Теперь Эмир разгладил бумагу на столе.

— Дай телефон, — попросил он Дину. — Мой на зарядке в мастерской.

На сайте ярмарки полоска загрузки добиралась до конца медленно. В соседнем окне стояли объявления о продаже. Кто-то сдавал первое купание в тёплом море. Кто-то предлагал пятнадцать минут в поезде, где разносили горячие пирожки. Эмир ввёл цифры с квитанции.

«В наличии».

Он перечитал эти два слова. На улице уже темнело. Ника постучала пальцем по крышке насоса, ожидая, что он снова скажет про ремонт. Эмир положил телефон на стол, подтянул

винт и дождался, пока насос заработает ровно. Потом сложил квитанцию по старому сгибу и сунул в карман.

ГЛАВА 2

Вагон на запасном пути

На станции насыпали песок поверх льда. Песок успели втоптать только посередине, и Эмир держался за перила, пока спускался к запасному пути. Выездная ярмарка занимала два вагона. У первого стояли ящики с батареями и медицинскими расходниками. Во втором принимали воспоминания.

На стекле приклеили новые часы работы. Приём заявок на возврат заканчивался завтра в семнадцать ноль-ноль. После этого фонд загружал остаток лотов в поезд, который уходил на сортировку.

Внутри пахло мокрой шерстью и бумагой. На стенде висели три распечатки. Одна звала пополнить коллекцию семейных сцен. Другая предлагала купить подарок человеку, который никогда не видел океана. На третьей крупными буквами напоминали, что воспоминание передаётся целиком. После передачи продавец ещё знает, что событие было, и теряет возможность вспомнить, как оно происходило.

Перед Эмиром сидела женщина лет шестидесяти с пластиковой корзиной. Из-под полотенца торчал хвост замороженной рыбы. Она отдала работнице листок и попросила перенести сделку на утро.

— Муж собрался поехать к сыну. Хочу сперва спросить, помнит ли он сам этот день.

Работница зачеркнула строку в журнале и назначила время. Женщина ушла. От корзины на полу остался мокрый круг.

— Вера Ильинична, — представилась работница. — Что ищем?

У неё были короткие седые волосы и синяя жилетка с глубокими карманами. Она внимательно рассмотрела квитанцию. Старый номер ввела вручную. На экране появилось серое поле с датой и длительностью.

— Вы владелец до передачи?

— Да.

Она сверила его паспорт, подтвердила номер и развернула экран.

«Сорок три секунды. Звук, обстановка, переживание владельца».

Ниже стояла дата. До этого Эмир видел её на квитанции сотни раз. Теперь ему представился стол в мастерской и белая эмаль ящика. В ту ночь на столе лежала обрезанная жесть. Он поднял телефон, чтобы острый край не царапал стекло. Что было между этими двумя движениями, оставалось пустым.

— У лота есть звук. Могу я его услышать?

— После возврата. Предпросмотр у этого поступления текстовый.

Вера Ильинична открыла карточку. В ней было всего несколько строк. Помещение. Зимний вечер. Звонок от матери. Владелец находится на работе. Запись короткая, без обрыва.

От слов «без обрыва» у Эмира стянуло горло. Значит, они попрощались. Ему хотелось знать как. За пять лет он успел придумать разные варианты. Иногда мать говорила «ну, до завтра», иногда он сам клал трубку первым. Он знал, что какая-то из этих сцен, возможно, никогда не происходила.

— Сколько? — спросил он.

Вера Ильинична проверила ещё одну вкладку. Сняла очки, протёрла стёкла салфеткой и снова надела.

— Этот лот зарезервирован под сборник. Пока он отдельный, за вами числится право на встречное предложение. Условие фонда такое. Они возвращают ваш отрывок и принимают весь остаток воспоминаний о вашей матери.

Эмир держал руки на коленях. На ладони у него осталась тонкая полоса графитовой смазки от насоса. Он потёр её пальцем.

— Весь остаток — это сколько?

— Перечень составляют на сверке. Все эпизоды, где вы её узнаёте. Встречи, разговоры, совместные дела. Всё, что вы ещё можете пережить в памяти.

— А имя?

— Имя останется. Документы, биография, то, что вам рассказывали о ней другие. Своих сцен с ней больше не будет.

Снаружи маневровый локомотив ударил сцепкой о вагон. Окно задрожало. Эмир подождал, пока звук утихнет.

— Одна минута за всё это?

— Сорок три секунды. Их вернут вам после передачи. Это будет единственная ваша сцена с ней.

Он назвал сумму, которую мог собрать. У него лежали деньги на машину для работы. Машину он откладывал уже третий год, и названная сумма оказалась больше той, что он готов был отдать ещё утром.

Вера Ильинична спокойно записала её в поле встречной оплаты. Подождала ответа. На экране высветился короткий отказ.

— Денежная цена здесь закрыта. Фонд покупает связные семейные подборки. Один разговор для них стоит меньше, чем всё, что вы помните о человеке.

— Кому это нужно?

— Есть покупатели, которым чужой дом нужен на полчаса. На полчаса они могут вспомнить, как за стеной моют посуду и кто-то зовёт их пить чай. За несколько связанных лет они платят дороже.

Эмир посмотрел на стенд, где предлагали подарить океан. У матери была привычка стучать ложкой о чайник, когда она звала их на кухню. Из детской звук слышался хорошо даже через закрытую дверь. Ему было трудно представить, что по этому звуку кто-то чужой пойдёт в их коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.